
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ МОЛОДЕЖИ: ВОЗМОЖНОСТИ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СТРАХОВ, НАДЕЖД И ОПАСЕНИЙ*

И.В. Троцук

Кафедра социологии

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Несмотря на то, что проблематика различных аспектов ценностных ориентаций современной молодежи достаточно широко представлена в современной научной и публицистической литературе, сложно найти работы, в которых мировоззренческие доминанты молодых поколений рассматриваются сквозь призму социологически (а не психологически) релевантно интерпретируемых страхов. В социологии проблема страха рассматривается чаще всего в контексте изучения так называемого «катастрофического сознания» — оценка тревог и опасений проводится с помощью массовых репрезентативных обследований без фокусировки на специфической по своей мировоззренческой структуре группе молодежи. В статье обозначены контуры социологического «измерения» молодежных страхов, надежд и опасений не в сравнительном поколенческом контексте, не только в сфере трудоустройства, не как исключительно психологического состояния, а с точки зрения развернутой характеристики общего социального самочувствия данной группы.

Ключевые слова: концепции и методики изучения ценностных ориентаций; страхи, надежды и опасения молодежи — форматы концептуализации и эмпирические индикаторы социологического анализа.

Изучение ценностных ориентаций с 2007 г. стало одним из базовых исследовательских направлений Социологической лаборатории Российского университета дружбы народов, причем не только в «диагностическом» [см., напр.: 22—24], но и в сравнительном контексте [см., напр.: 14; 15], поскольку речь идет о становлении молодых поколений целого ряда стран, в историко-схематичном плане проходящих достаточно схожие этапы «постсоциалистического» развития, хотя и с разным успехом, по разным траекториям и моделям. Безусловно, ценностная проблематика обладает вневременной актуальностью, но в последние годы она стала особенно популярной и фактически доминирующей в репрезентативных массовых опросах населения большинства стран мира, потому что принципиально важна для понимания не только происходящих сегодня, но и прогнозируемых на ближайшую и среднесрочную перспективу социальных, экономических, политических, идеологических и демографических перемен. В социологии разработано немало концепций ценностных ориентаций и апробировано множество методических решений для их эмпирической верификации, благодаря чему любой исследователь, заинтересованный в характеристике отдельных ценностных ориентиров конкретных социально-демографических или профессиональных групп или же в обозначении общих мировоззренческих контуров массового сознания, получает в свое распоряжение практически готовые и доказавшие свою эвристичность

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ. Грант № 13-03-00362.

модели теоретической, эмпирической и даже операциональной интерпретации предмета собственного социологического изучения.

Понятие ценностных ориентаций, очевидно, носит междисциплинарный характер: вряд ли можно назвать хотя бы одного известного философа, психолога, социального психолога, социолога и т.д., который не предложил бы своей трактовки ценностей с учетом свойственного его дисциплинарной области уровня абстракции, ориентации на соответствующую «диагностическую» работу, возможных терминологических и концептуальных контекстов и практических применений собственных наработок. В социологии вполне равноценно употребляются понятия «ценности» и «ценностные ориентации»: многие авторы считают их синонимами, хотя, конечно, правильнее разводить ценности как абстрактные, общие понятия, некий «интерес эпохи», отражающий доминирующую в ней идеологическую матрицу, и ценностные ориентации — как реальное претворение «интереса эпохи» в поведении и жизненных ориентирах индивидов и групп. С другой стороны, подобное разведение само по себе показывает, что любые концептуальные и операциональные определения ценностных ориентаций должны учитывать классические социологические концепции ценностей, основу которых заложил М. Вебер в своей теории социального действия — оно «по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [4. С. 602]. Один из веберовских идеальных типов социального действия — ценностно-рациональное — и «основано на вере в безусловную — эстетическую, религиозную или любую другую — самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет» [4. С. 628], т.е. в основе ценностно-рационального действия лежат ценности как ориентир, объясняющий действия и мотивацию людей.

Концептуальные основы социологической работы с понятиями ценностей и ценностных ориентаций разрабатывали многие известные ученые, одно перечисление которых заняло бы несколько страниц и вряд ли отвечает целям статьи, поэтому имеет смысл обозначить лишь базовые терминологические и теоретико-интерпретационные контексты социологического «разговора» о ценностях, принципиальные важные для эмпирических исследований по данной проблематике (посвященных анализу мировоззренческих доминант массового сознания). Так, согласно Э. Дюркгейму, существует два типа суждений: понятия — выражают факты (реальное положение дел) — и ценностные идеалы — фиксируют желаемое, идеальные представления; в любом обществе существует «объективная» система экономических, нравственных, эстетических «идеалов», с которой индивиды одновременно вынуждены и желают соотносить собственное поведение, поскольку «...общество является творцом и хранителем всех благ цивилизации, к которым мы привязаны всеми силами нашей души... не только повелевает, но несет добро и милосердие» [9. С. 108]. Продолжает данную линию рассуждений Т. Парсонс, для которого ценности — один из четырех типов независимых переменных (наряду с нормами, коллективами и ролями), объясняющих структуру социальных систем: «ценности... суть не что иное, как представления о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия субъектами действия определенных обязательств» [17. С. 17].

У. Томас и Ф. Знанецкий, анализируя две взаимодополняющие зависимости, объясняющие процесс адаптации польских крестьян-эмигрантов к новым социокультурным реалиям, — индивида от организации и организации — от индивида, использовали для характеристики социальной организации термин «социальная ценность» и ввели в социологию понятие «социальная установка» для обозначения «состояния сознания индивида относительно некоторой социальной ценности», т.е. как своеобразный аналог ценностных ориентаций, существенно более диагностически эвристичный по причине своей трехуровневой операционализируемой структуры. Тем самым они положили начало эмпирическим исследованиям ценностных ориентаций и социальных установок как «оказывающих направляющее и динамическое влияние на поведение» [1. С. 205]. Томас и Знанецкий заложили основы качественного подхода к изучению ценностных ориентаций, хотя, конечно, в зарубежной и отечественной традиции соответствующие социологические проекты тяготеют к количественному подходу — использованию формализованного инструментария на больших репрезентативных выборках.

Дальнейшие социологические разработки проблематики ценностных ориентаций развивались в трех базовых направлениях: во-первых, это, условно говоря, некие концептуальные уточнения прежде разработанных теорий и моделей вне критического контекста, а в целях валидации эмпирических «замеров». В частности, исследователи пытались объяснить так называемый «парадокс Лапьера» — рассогласование декларируемого и реального поведения: М. Смит выделил три компонента социальной установки — когнитивный, эмотивный и конативный, а М. Рокич развел установки на объект и на ситуацию, т.е. терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства). В.А. Ядов предложил собственную модель регуляции поведения личности, рассматривая ценностные ориентации в системе других диспозиций, которые организованы иерархически: на самом высоком, общем уровне находятся элементарные фиксированные установки (базовые человеческие потребности), затем идут социальные фиксированные установки (классически понимаемые, как состоящие из трех компонентов — когнитивного, эмотивного и поведенческого), на третьем уровне — базовые социальные установки (общая направленность интересов личности), на самом низшем уровне, зависящем от всех предыдущих, — ценностные ориентации (смысл-жизненные ориентиры) [31].

Второе условное направление развития ценностной проблематики в социологических исследованиях — моделирование и апробация разнообразных вариантов эмпирических «замеров» ценностных ориентаций, которые нередко предпринимались в сравнительном (поколенческом, временном, страновом и пр.) контексте. Наиболее известны сегодня методики Г. Олпорта, М. Рокича, Р. Инглхарта, подходы, основанные на иерархии потребностей А. Маслоу и «теории содержания и структуры ценностей» Ш. Шварца, и др.: в изучении ценностей в кросскультурном контексте обычно применяется стандартный метод ранжирования (методика Рокича), метод парных сравнений (методика А. Эдвардса), метод оценки высказываний (опросники С. Морриса, Ш. Шварца, Л.Б. Косовой), метод выбора из нескольких альтернатив (методики Г. Олпорта, Ф. Клакхона и Ф. Стродтбека,

Л. Гордона), крайне редко — контент-анализ (М. Гудман), несколько чаще — техника семантического дифференциала [10], причем при наличии соответствующих возможностей социологи предпочитают использовать сразу несколько методических решений для повышения надежности и валидности данных.

И, наконец, третье направление, о котором уже было упомянуто выше, — сравнительные исследования ценностных ориентаций, которые больше чем за полвека своего развития фактически оформились в отдельную область социологии с обширными теоретическими и методологическими наработками. Например, Р. Инглхарт с 1970-х гг. отслеживает изменения обществ в эпоху постмодерна, разведя материалистические (акцент на экономической и физической безопасности) и постматериалистические (на первом плане самовыражение и качество жизни) ценности и сформулировав теорию межгенерационного изменения ценностей [12]. В целом огромное множество проведенных на сегодняшний день сравнительных исследований можно условно разбить на три группы: массовые опросы, основанные на самых разных методических решениях, но с приоритетом количественного подхода, предпосылки и результаты которых формируют концептуальный базис аналогичной социологической работы в иных страновых и социально-демографических контекстах; применение качественного подхода на небольших репрезентативных выборках; вторичный анализ результатов мониторинговых проектов или же данных, собранных независимо друг от друга, но допускающих, пусть и ограниченный по возможностям экспликации выводов, сопоставительный анализ. Важность сравнительного контекста во всех его вариациях несомненна: «анализ изменений, происходящих в ценностных ориентациях отдельных социальных групп, позволяет глубже понять особенности трансформаций, происходящих в обществе в целом, определить место современных социально-политических событий в историческом процессе, спрогнозировать сценарии трансформации социально-политических сил» [3. С. 3].

Итак, ценностные ориентации вот уже на протяжении более чем ста лет находятся в фокусе социологического интереса, что позволило накопить и систематизировать знания о содержании и структуре мировоззрения людей (сгруппированных по возрастным, гендерным, профессиональным и прочим основаниям) в разных странах в разные исторические периоды и валидизировать методологические подходы и методики эмпирического «измерения» ценностных ориентаций. Однако, несмотря на активную разработку проблематики катастрофического/кризисного сознания в социологическом контексте в последние десятилетия и институционализацию социальных страхов как предмета социологического анализа [5], данные тематики — с одной стороны, ценностей, с другой — рисков, опасностей и угроз на макро- и микроуровне как порождающих массовые страхи и тревоги — крайне редко взаимоувязываются в эмпирических исследованиях, хотя практически общепризнанно, что современный человек живет в «обществе риска», в котором устойчивой формой массового сознания стало «катастрофическое», а основные источники опасностей и угроз изменились таким образом, что большая часть страхов, испытываемых современным человеком, социально детерминиро-

вана [2], т.е. это, прежде всего, страхи социальных объектов и ситуаций социального взаимодействия (их «репертуар» и степень проявленности у различных социальных групп по отношению к разным объектам могут существенно различаться).

Проблематика страхов более междисциплинарна, чем ценностная, причем сугубо социологический контекст здесь вычленить существенно сложнее не только в силу исторической «новизны» обращения социологии к данной предметной области, но и по причине более ранней институционализации и давней популярности соответствующих исследовательских направлений в иных дисциплинарных полях: теоретико-методологические аспекты философского осмысления феномена страха с точки зрения его онтологического и аксиологического значения берут свое начало еще в античности, с тех времен последовательно обогащаясь гносеологическими и психологическими акцентами; не менее внушительна психологическая традиция изучения страхов и — шире — явлений «тревожного ряда». Так, например, З. Фрейд считал страх «узловым пунктом», в котором сходятся самые важные вопросы душевной жизни человека, и выделял два основных вида страхов: реальные — реакции на восприятие внешней опасности — и невротические — субъективные состояния, возникающие как повторение определенного значительного переживания в прошлом, а не как ответ на конкретную угрозу (она может провоцировать подобный страх, но он не соответствует ей по степени значимости, например, это фобии) [27].

Несмотря на столь внушительную концептуальную проработку на протяжении столь длительного времени и апробацию многообразных познавательных средств фундаментальных исследований страха, данное понятие по-прежнему остается крайне дискуссионным в силу отсутствия единого подхода к его теоретической и эмпирической интерпретации в ситуации наличия огромного количества терминологически близких или пересекающихся с ним понятий и, соответственно, нерешенных вопросов: насколько близки страх и тревога (по своей сути, механизмам и способам реализации) и какова их динамика; каково соотношение позитивного и отрицательного в страхе как эмоциональном состоянии, а также реального, потенциального и воображаемого в его продуцировании; каково соотношение личностных и ситуативных факторов в возникновении страха, биологических и социальных (культурно детерминированных, приобретенных в ходе социализации) активаторов страха или же следует говорить о типах страхов (биологические, социальные, моральные, дезинтеграционные; мистико-психологические, социально-оценочные, общебытийные, пространственные, перед агрессией и превосходящей силой, телесные, зависимостные и т.д.). Не существует универсальной классификации страхов в целом, а также тех страхов, что считаются социальными (в первую очередь, в силу их многообразия и отсутствия единых внятных детерминант возникновения), хотя основания для упорядочивания вполне очевидны — по характеру объекта опасности (реальные и иррациональные страхи) и по интенсивности проявления («нормальные», фобические и панические) — конечно, в фокусе социологического интереса оказываются, прежде всего, страхи реальные и «нормальные».

В социологии говорить о зарождении и постепенной институционализации проблематики социальных страхов можно с начала XX в., когда именно в таком концептуальном ракурсе стали анализироваться содержание, динамика и детерминанты кризисов в широком смысле данного слова: во второй половине XX в. в научной литературе стал доминировать так называемый «дискурс кризиса» — в большинстве работ, сфокусированных на понимании современности, присутствуют категории «кризис», «кризисное/катастрофическое сознание», «общество риска». Конечно, социальные кризисы интересовали ученых во все исторические эпохи, однако принципиальное отличие нынешней ситуации в том, что прежде кризисное мировосприятие проявлялось в периоды резких социальных катаклизмов (войн, эпидемий, революций и пр.), а ускорение исторического времени и неведомая прежним эпохам концентрация и диверсификация (в частности, появились техногенные и экологические катастрофы) социальных кризисов и драм самого различного масштаба в XX столетии не только и не столько усилили чувство тревоги и страха, сколько «нормализовали» кризисное сознание фактически до состояния рутинизации (в философской литературе речь идет, прежде всего, о «хроническом» — постоянном и непреодолимом — характере кризиса современности). Иными словами, на концептуальном уровне в социально-философской и социологической литературе страхи рассматриваются как одно из проявлений и результат кризисного состояния общества и трансформаций социальных систем, как сильнейшая детерминанта переустройства духовных ориентиров и ценностных ориентаций, как одновременно и мобилизующий, а потому способствующий индивидуальной и коллективной адаптации к изменениям окружающей «среды», и затрудняющий таковую в случае утраты человеком способности рационально оценивать и реагировать на эти изменения.

Эмпирические социологические исследования по проблематике страхов фактически исходят из утверждения У. Бека, что в современном «обществе риска» в связи с разнообразием опасностей невозможно дать рискам какое-либо унифицированное определение, поэтому он рассматривает их и как реальные и потенциальные угрозы, и как систему альтернатив выбора в ситуации вероятности катастрофы, и как отражение опасностей в массовом сознании [2]. Соответственно, в заданном контексте страх выступает как результат/реакция на наличие рисков, причем в обществе риска распространены массовые страхи, принимающие тотальный характер, повсеместные, постоянные, практически рутинизированные, а потому не требующие кропотливой эмпирической и операциональной интерпретации — они «прозрачны» на уровне и профессионального, и повседневного дискурсов благодаря, прежде всего, средствам массовой информации (нередко они привлекают научные данные и экспертные оценки), которые постоянно «обогащают» общественное мнение знаниями о репертуаре, степени опасности, масштабах распространения и уровне «нормальности» самых разнообразных рисков и страхов (в современном обществе в большинстве своем люди «получают» страхи «из третьих рук», и не из собственного опыта или жизненных реалий своей семьи и ближнего социального круга). Кроме того, «измерительные» и «интерпретаци-

онные» контексты социологических исследований по проблематике страхов в «обществе риска» изменились даже по своей тональности (сегодня она практически констативна): социологи уже не акцентируют внимание на детерминации бесконечными и различными по интенсивности и форме протекания страхами и тревогами деструктивных форм поведения (агрессии, насилия, дезадаптации и пр.) на микро- и макроуровне — скорее предпринимаются попытки (1) представить весь репертуар страхов, доминирующих в конкретном обществе в социально-демографическом или ином срезе, как таковой или как индикатор социального настроения/настроения/самочувствия населения; (2) оценить силу, специфику и распространённость какого-то конкретного страха («прикладного» — например, страха безработицы, или же «экзистенциального» — страха смерти); (3) сконструировать внутри-, этно- или геополитический модус массового сознания, апеллируя к страхам через понятия врагов и угроз стране/обществу.

Так, в массовых социологических опросах нередко используется вопрос «Какое у вас настроение в последние дни?», варианты ответов на который варьируют от «настроение просто прекрасное» до «испытываю страх и тоску» [8]: выбравших последний вариант среди российского населения в 2013 г. было порядка 5% (каждый второй оценивает свое состояние как нормальное), с возрастом эмоциональное напряжение нарастает. Другой вариант вопроса для «замеров» социального настроения — «С какими чувствами Вы смотрите в свое собственное будущее/на будущее России?»: сегодня «скорее с беспокойством, опасениями» в будущее (в обоих представленных вариантах) смотрит почти 60% опрошенных, «скорее спокойно, с уверенностью» — лишь каждый третий [20]. Социологов интересует не только собственно массовый социальный настрой населения, но и самооценки такового респондентами: в 2012 г. считали, что в стране преобладает тревожное настроение, 43%, каждый третий респондент был убежден, что за последние полгода настроение в стране стало более тревожным, считая признаками такового рост политической активности людей в форме митингов и акций протеста, нестабильности и неуверенности в завтрашнем дне, бедности и безработицы, цен, тарифов, общего недовольства властями и т.д. [19].

По данным 2012 г., россияне считают, что в окружающих их людях окрепли одновременно чувства усталости, безразличия (37%), растерянности (19%), ожесточения, агрессивности (18%), обиды (13%), зависти, отчаяния и страха (по 12%) и, но существенно в меньшей степени, надежды (30%), собственного достоинства (10%), уверенности в завтрашнем дне (9%), свободы (6%) и т.д. [26]. Детерминантами подобных оценок социального настроения, видимо, стала уверенность значительной доли опрошенных, что за прошедший год ухудшился уровень жизни основной части населения (39%), работа образовательных учреждений (29%), больниц и поликлиник (40%), правоохранительных органов (23%), справедливость в распределении материальных благ (41%), состояние окружающей среды (43%), отношения между людьми разных национальностей (31%), возможности хорошо зарабатывать (34%), отношения со странами Запада и НАТО (20%) и личная безопасность граждан (28%).

Для понимания тенденций в ответах, а также для их контекстуализации (чтобы увидеть, на каком макрофоне более половины россиян себя нормально чувствуют) респондентам задаются вопросы о том, чего они боятся в жизни, причем варианты ответов шкалируются от «совсем не боюсь» до «постоянно испытываю страх»: так, уже в 2008 г. была отмечена тенденция, согласно которой страхи, довлевшие над обществом 10—15 лет назад (распад страны, гражданская война, экономический коллапс и т.д.), утратили свою актуальность или остроту (терроризм, «чеченский фактор» и др.), переместившись на периферию общественного внимания [6]. Массовые опросы к концу первого десятилетия XXI в. показали, что чувства страха и тревоги в российском обществе не локализируются в рамках отдельных социальных групп — их испытывает (в той или иной степени) большинство россиян (около 70%), независимо от пола, возраста, дохода, профессии и т.п., причем среди «предметов» страха доминирует жизнь и здоровье близких, а среди источников угроз — бандиты, улица, чрезвычайные происшествия, транспорт, террористы и чиновники.

Согласно опросу в мае 2013 г. [20] больше всего (приводятся только доли выбравших вариант «испытываю постоянный страх») россияне страшатся «болезней близких и детей» (49%); на втором месте — «собственные болезни и мучения» (28%) (что вполне предсказуемо, пожилые люди боятся их чаще и сильнее, хотя в целом по выборке страх старости на последнем месте вместе с опасениями ужесточения политического режима — по 11%), страх «бедности, нищеты» (25%) (он не знаком лишь каждому десятому опрошенному, занимающие руководящие должности испытывают его чаще и сильнее) и «мировой войны» (27%); каждый пятый сильнее всего боится смерти (21%), стихийных бедствий, возможности потери работы, произвола властей и беззакония (по 18%); еще меньше доли опасющихся потери сбережений и нападения преступников (по 16%), публичных унижений и оскорблений, СПИДА и возврата к массовым репрессиям (по 15%). Подобное распределение ответов может выступать неплохим индикатором мировоззренческих доминант россиян — очевидно, что четыре базовых страха сфокусированы в сфере ближайшего круга родных и близких (семья и здоровье выступают фундаментальными ценностями), далее следуют их частные проявления с всплесками обеспокоенности общей ситуацией в стране.

Результаты репрезентативных массовых опросов россиян несколько отличаются в зависимости от используемого инструментария (так, процентные показатели [20] и [21] обычно варьируют в пределах статической погрешности, хотя наблюдаются и существенные разногласия по ряду пунктов), однако диагностируемые общие тенденции совпадают: россиян больше всего беспокоит будущее детей, они больше всего боятся болезней и потери близких, бедности и нищеты, безработицы, старости и беспомощности; вторую группу угроз формирует преступность, стихийные бедствия, национальные конфликты, войны и т.д. За прошедшие два десятилетия менее распространены стали страхи за будущее детей, преступности и национальных конфликтов, более весомыми — страхи перед болезнями.

Наибольший специализированный исследовательский интерес из приведенного выше «реестра» страхов, видимо, представляет страх смерти, изучение которого имеет длительную философскую, антропологическую, историческую и культурологическую традиции, тогда как в социологии данная проблематика «табуирована» [11]. С одной стороны, современное (по крайней мере, развитое западное) общество фактически элиминировало столкновения с «прозой смерти» из повседневности; с другой стороны, в отличие от, скажем, психологии, вернее, даже психотерапии, социологические возможности эмпирической работы здесь очень ограничены: наиболее яркими и институционализированными сюжетами выступают либо суицидальные риски и поведение, либо отношение к смерти в самых разных ее форматах — страх собственной смерти, оценка аборт, восприятие смертной казни и эвтаназии.

Третий доминирующий в социологии модус анализа страхов — внутри-, этно- или геополитический. Уже к 2008 г. массовые опросы россиян позволили выделить три группы угроз по доле респондентов, которые испытывают в отношении них сильную тревогу и постоянный страх [6]: 1) от 44% до 49% опасается военных конфликтов с ближайшими соседями (наряду с резким снижением уровня жизни); 2) от 25% до 35% — войны со странами Запада, возможности потери государственного суверенитета (наряду с гражданской войной, диктатурой и массовыми репрессиями); 3) менее 20% — внутривнутриполитических изменений внутри страны (распада России, «оранжевой революции», переворота, межэтнических конфликтов и т.д.). С начала 2000-х гг. в российском обществе значительное место стали занимать опасения внешнеполитического характера, хотя нет ни одной страны или группы стран, которые бы назывались в качестве угрозы хотя бы половиной респондентов [18]: на первые места в списке угроз россияне предсказуемо ставят США и Китай — в первом случае настороженность обусловлена «деятельным» обострением российско-американских отношений (вооруженным и/или финансовым вмешательством США в жизнь стран, входящих в сферу российских внешнеполитических интересов), во втором — скорее своеобразным мировоззренческим шоком, вызванным относительно неожиданным появлением новой сверхдержавы на восточных границах России (в 2013 г. каждый третий россиянин полагал, что «стремление Китая расширить свое влияние на другие страны/китайский экспансионизм» представляет очень большую угрозу безопасности России» [25]). В целом «россиянам не свойствен часто приписываемый им параноидальный страх перед внешним миром. В большинстве своем они как в 2000, так и в 2011 году либо утверждали, что нашей стране никто не угрожает, либо затруднялись сказать, есть ли у нее опасные враги. Российские граждане, очевидно, мало интересуются событиями во внешнем мире, а новые угрозы и надежды для себя они находят внутри страны, а не за рубежом» [18].

Таким образом, схематично обозначенные выше теоретико-методологические основания социологического анализа, с одной стороны, ценностных ориентаций, с другой — страхов и опасений массового сознания дают все основания утверждать, что можно «замерять» мировоззренческие доминанты молодежи как особой социально-демографической группы сквозь призму страхов, надежд и опасений

(надежды в данном случае выступают как необходимый элемент контекстуализации страхов и снижения пессимистично-негативной тональности анкеты, посвященной исключительно страхам). В подобных исследованиях страх не требует дополнительной теоретической интерпретации, помимо общепризнанной, — это эмоция, которая представляет собой ответную реакцию на реальную или воображаемую угрозу и присуща любому нормальному человеку; она действует как защитный механизм в опасных ситуациях. Интенсивность проявления чувства страха, его характер и влияние на поведение человека, конечно, зависят от индивидуальных особенностей личности, но фундаментальным детерминантом здесь — социальный контекст: с одной стороны, конкретные общественные проблемы, с другой, наличие и эффективность определенных социальных институтов.

Эмпирическое изучение страхов помогает отобразить картину социальной действительности: чем меньше уровень тревожности и поводов для нее у членов социума (особенно молодых поколений, для которых страхи могут стать серьезными барьерами в социализации и самореализации, причем у молодежи, в силу ее неустойчивого и неопределенного положения в обществе могут преобладать особые виды страхов), тем больше возможностей для развития и самосовершенствования общества. Оптимальную эмпирическую интерпретацию страхов, несмотря на некоторую ее терминологическую неоднозначность, предлагает концепция «катастрофического сознания» (В.Н. Шубкин, В.Э. Шляпентох, В.А. Ядов и др.), в рамках которой изучение тревог и опасений проводится, прежде всего, с помощью массовых обследований — анкеты включают в себя вопросы о социально-демографических данных респондентов, их уверенности в будущем, отношении к различным группам опасностей (от «меня это не беспокоит» до «это вызывает у меня постоянный страх»), времени и причинах этих тревог, возможных поведенческих реакциях на угрозы (противостояние, предупреждение и пр.) и т.д. Так, например, по результатам опросов была сформирована следующая типология опасностей: неожиданные, внезапные, непредсказуемые природные, экономические или политические; предсказываемые специалистами экологические катастрофы; социально-экономические потрясения длительного действия вроде глубоких реформаций, революций, контрреволюций; бедствия, порождаемые внешними враждебными силами (вроде «международных сил зла», мощных военных группировок) [30].

Вторичный анализ данных социологических исследований, в той или иной степени фокусирующихся на проблематике страхов, позволяет предложить следующую условную типологию страхов, адекватную целям измерения через таковые мировоззренческие доминанты молодежного самосознания: во-первых, это опасения экономической дезадаптации (падения уровня жизни, безработицы, неспособности в будущем должным образом обеспечить себя и семью и т.д.), которые обусловлены как общей социально-экономической ситуацией, так и отсутствием государственной поддержки молодежи в сфере трудоустройства и получения образования. Во-вторых, это страх определенных социальных субъектов, которые могут представлять угрозу физическому существованию человека (преступности в целом, бандитов, агрессивных националистических движений, экстремистов, террористов, хулиганов и т.д.), что также может объясняться как общей соци-

ально-экономической ситуацией и криминализацией общества, так и недоверием к государственным инстанциям и социальным институтам, призванным обеспечивать охранную, защитную функцию [28]. В-третьих, это страхи, связанные с опасностями ухудшения здоровья вследствие вредных привычек (курения, алкоголизма, наркотизма) и неизлечимых/трудноизлечимых болезней (СПИДа, рака и т.д.), которые подкрепляются «истеричными» сообщениями средств массовой информации и утратой веры в возможности получения качественной медицинской помощи (в силу ее недоступности по самым разным причинам, но, прежде всего, финансовым). В-четвертых, это опасения не достичь желаемых целей (определенного уровня образования) или не избежать нежелательных состояний (службы в армии). И, наконец, страх перед ситуациями, неподконтрольными человеку (экологические катастрофы, мировая война и т.д.). В целом респонденты младших возрастных групп (от 18 до 30 лет) в России демонстрируют минимальный уровень тревожности, однако различия в таковом среди представителей разных социальных групп не носят характера ярко выраженных и устойчивых тенденций [7].

Таким образом, логика конструирования опросного инструментария для понимания репертуара страхов современного студенчества должна ориентироваться на решение следующих исследовательских задач:

— выявить ключевые смысложизненные приоритеты студенческой молодежи (базовые ценности и трактовки жизненного успеха): вопросы-меню «Обучение в университете для Вас, прежде всего...», «Для Вас лично успех — это прежде всего...», «По-Вашему, какие качества сегодня позволяют человеку достичь успеха?», «Представьте на минуту, что на один день Вы стали президентом Российской Федерации. На решении каких проблем, наиболее важных и тревожащих именно студенческую молодежь, Вы бы сосредоточились?» и др.;

— определить ключевые страхи современного студента (в сфере трудоустройства, материального достатка, личной жизни, здоровья, учебы, а также фобии): вопрос-меню «Какие заболевания (в широком смысле этого слова) Вы считаете самыми страшными?», дополненный просьбой оценить риск заболеть каждым из них в процентах; закрытый вопрос «Одни люди боятся быть не такими, как все. Другие, наоборот, стремятся выделиться. К кому Вы бы отнесли себя?»; вопросы-меню «Задумываясь о своем будущем, чего Вы опасаетесь больше всего?», «Насколько Вы лично боитесь столкнуться со следующими явлениями в жизни страны?»; открытый вопрос «А чего Вы боитесь больше всего?» и др.;

— оценить общий уровень тревожности студенческой молодежи: вопросы-меню «Каждый человек сталкивается в жизни с ситуациями, в которых испытывает страх или другие неприятные эмоции. Случается ли с Вами что-то подобное в следующих случаях...», «Случалось ли Вам за последние несколько месяцев испытывать...», «Задумываясь о своем будущем, чего Вы опасаетесь больше всего?»; набор дихотомических шкал под общей «шапкой» «За последние несколько месяцев Ваши негативные переживания были связаны в основном...»; закрытые вопросы «Как у Вас складывается учеба в университете?», «Что Вам сложнее всего делать в ходе обучения?» и др.;

— выявить предпочитаемые респондентами стратегии преодоления дискомфортных ситуаций: вопросы-меню «Если Вы оказались в ситуации, которая для

Вас лично крайне дискомфортна, что Вы обычно делаете?», «Если Вы испытываете сильный страх или тревогу, что Вы обычно делаете?» и др.;

— обозначить основные факторы, обуславливающие состояние тревоги: вопрос-меню «В основном обо всех перечисленных выше угрозах Вы узнаете из...»; закрытый вопрос «В целом возникает ли у Вас чувство тревоги после просмотра информационных и аналитических сообщений средств массовой информации?»; закрытые вопросы о социально-демографических характеристиках, уровне материального достатка, курсе и профиле обучения и др.

Приведенные выше вопросы легли в основу инструментария опроса, реализованного в форме анкетирования на репрезентативной по критерию факультетов/профилей обучения выборке студентов Российского университета дружбы народов. Поскольку в полевом этапе исследования принимали участие студенты-социологи третьего курса факультета гуманитарных и социальных наук, было решено снизить «сензитивность» и «пафосность» опроса про надежды и страхи современного студенчества, используя в анкете обращение к респондентам на «ты». Результаты опроса будут представлены на страницах следующего номера журнала.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Андреева Г.М.* Социальная психология. — М.: Наука, 1994.
- [2] *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- [3] *Бокарев В.А.* Трансформация и развитие социально-политических ориентаций учащейся молодежи московского мегаполиса на рубеже XX—XXI вв.: Автореф. дисс. д.с.н. — М.: МГПУ, 2009.
- [4] *Вебер М.* Избранные произведения / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990.
- [5] *Витковская М.И.* Социальные страхи как предмет социологического исследования: Дисс. ... к.с.н. — М.: РУДН, 2006.
- [6] *Горшков М.К.* Фобии, угрозы, страхи: социально-психологическое состояние российского общества // Социологические исследования. — 2009. — № 7.
- [7] *Горшков М.К.* Чего опасаются россияне? — М.: ИС РАН, 2008.
- [8] Дебаты А. Левинсона и А. Морозова в Сахаровском центре 17.07.2013. URL: <http://www.levada.ru/17-07-2013/debaty-alevinsona-i-amorozova-v-sakharovskom-tsentre>
- [9] *Дюркгейм Э.* Ценностные и «реальные» суждения // Социологические исследования. — 1991. — № 2.
- [10] *Емельяненко Т.В.* Методы межкультурных исследований ценностей // Социология: методология, методы и математическое моделирование. — 1997. — № 9.
- [11] *Ильясов Ф.Н.* Феномен страха смерти в современном обществе // Социологические исследования. — 2010. — № 9.
- [12] *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. — 1997. — № 4.
- [13] *Ли Уи.* Ценностные ориентации китайской молодежи: сравнительная характеристика приоритетов столичного и регионального студенчества // Вестник РУДН. Серия «Социология». — 2009. — № 4.
- [14] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ценностные ориентации студенческой молодежи в трансформирующемся обществе // Вестник РУДН. Серия «Социология». — 2008. — № 4.
- [15] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ценностные ориентации студенческой молодежи России и КНР: региональный срез (на примере Гуанчжоу и Майкопа, Республика Адыгея) // Вестник РУДН. Серия «Социология». — 2009. — № 4.
- [16] Наше «Мы»: едва ли не страшнее войны. URL: <http://www.levada.ru/11-06-2013/nashe-my-edva-li-ne-strashnee-voiny>

- [17] *Парсонс Т.* Система современных обществ / Пер. с англ. — М.: Аспект-пресс, 1998.
- [18] Призрачные угрозы: россиянам не свойственен параноидальный страх перед внешним миром. URL: <http://fom.ru/Mir/10097>
- [19] Спокойно или тревожно живет россиянам? Россияне о настроениях в стране и среди близких. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10367>.
- [20] Страхи россиян. URL: <http://www.levada.ru/20-06-2013/strakhi-rossiyan>.
- [21] Страхи россиян и угрозы для страны // Пресс-выпуск ВЦИОМ. — 2013. — № 2227.
- [22] *Троцук И.* Проблема насилия в российском обществе: «нормальные» и «патологичные» проявления // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. — 2007. — № 3.
- [23] *Троцук И.В.* Легко ли быть молодым на Кавказе? // Вестник РУДН. Серия «Социология». — 2007. — № 1.
- [24] *Троцук И.В.* Образ Сербии в российском обществе: результаты опроса московского студенчества // Вестник РУДН. Серия «Социология». — 2012. — № 3.
- [25] Установки россиян и угрозы стране. URL: <http://www.levada.ru/11-07-2013/ustanovki-rossiyan-i-ugrozy-strane>
- [26] Уходящий год в оценках россиян. URL: <http://www.levada.ru/27-12-2012/ukhodyashchii-god-v-otsenkakh-rossiyan-chast-2>.
- [27] *Фрейд З.* Истерия и страх / Пер. с нем. А.М. Боковикова. — М.: ООО СТД, 2006.
- [28] Хулиганы, мошенники и карманники: о росте преступности на фоне кризиса // Пресс-выпуск ВЦИОМ. — 2009. — № 1201.
- [29] *Чжэн Вейдун.* Ценностные ориентации российских и китайских студентов: сравнительная характеристика // Вестник РУДН. Серия «Социология». — 2008. — № 4.
- [30] *Шубкин В.Н.* Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / Под ред. В.Э. Шляпентоха, В.Н. Шубкина, В.А. Ядова. — М.: МОНФ, ИС РАН, 1999.
- [31] *Ядов В.А.* Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. — Л.: Наука, 1979.

DOMINANT IDEAS IN THE OUTLOOK OF THE YOUTH: POSSIBILITIES OF EMPIRICAL FIXATION THROUGH THE PRISM OF FEARS, HOPES AND APPREHENSIONS

I.V. Trotsuk

Sociology Chair

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Despite the fact that various aspects of value orientations of today's young people are widely covered in modern scientific and popular literature, it is hard to find research papers where dominant ideas in the outlook of the young generations would be considered through the prism of sociologically (and not psychologically) adequately interpreted fears. In sociology the problem of fear is most often viewed in the context of studying the so called "catastrophe consciousness" — the assessment of fears and apprehensions is done on the basis of wide representative examinations without focusing on the group of the youth specific in its ideological structure. The article presents basic outlines of sociological "measurement" of young people's fears, hopes and apprehensions not in a comparative generation context, not only in the sphere of employment, not as an exclusively psychological condition, but from the point of view of a detailed characteristic of the general social well-being of this group.

Key words: conceptions and methods of studying value orientations; fears, hopes and apprehensions of the youth — formats of conceptualization and empirical indicators of sociological analysis.

REFERENCES

- [1] *Andreeva G.M.* Social'naja psihologija. — M.: Nauka, 1994.
- [2] *Beck U.* Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modernu. — M.: Progress-Tradicija, 2000.
- [3] *Bokarev V.A.* Transformacija i razvitie social'no-politicheskikh orientacij uchashhejsja molodezhi moskovskogo megapolisa na rubezhe XX—XXI vv.: Avtoref. diss. d.s.n. — M.: MGPU, 2009.
- [4] *Weber M.* Izbrannye proizvedenija / Per. s nem.; sost., obshh. red. i poslesl. Ju. N. Davydova; predisl. P.P. Gajdenko. — M.: Progress, 1990.
- [5] *Vitkovskaja M.I.* Social'nye strahi kak predmet sociologicheskogo issledovanija: Diss. ... k.s.n. — M.: RUDN, 2006.
- [6] *Gorshkov M.K.* Fobii, ugrozy, strahi: social'no-psihologicheskoe sostojanie rossijskogo obshhestva // Sociologicheskie issledovanija. — 2009. — № 7.
- [7] *Gorshkov M.K.* Chego opasajutsja rossijane? — M.: IS RAN, 2008.
- [8] *Debaty A.* Levinsona i A. Morozova v Saharovskom centre 17.07.2013. URL: <http://www.levada.ru/17-07-2013/debaty-alevinsona-i-amorozova-v-saharovskom-tsentre>.
- [9] *Durkheim E.* Cennostnye i «real'nye» suzhdenija // Sociologicheskie issledovanija. — 1991. — № 2.
- [10] *Emel'janenko T.V.* Metody mezhhul'turnyh issledovanij cennostej // Sociologija: metodologija, metody i matematicheskoe modelirovanie. — 1997. — № 9.
- [11] *Il'jasov F.N.* Fenomen straha smerti v sovremennom obshhestve // Sociologicheskie issledovanija. — 2010. — № 9.
- [12] *Inglehart R.* Postmodern: menjajushhiesja cennosti i izmenjajushhiesja obshhestva // Politicheskije issledovanija. — 1997. — № 4.
- [13] *Li Ui.* Cennostnye orientacii kitajskoj molodezhi: sravnitel'naja harakteristika prioritetov stolichnogo i regional'nogo studenchestva // Vestnik RUDN. Serija «Sociologija». — 2009. — № 4.
- [14] *Narbut N.P., Trotsuk I.V.* Cennostnye orientacii studencheskoj molodezhi v transformirujushhiesja obshhestve // Vestnik RUDN. Serija «Sociologija». — 2008. — № 4.
- [15] *Narbut N.P., Trotsuk I.V.* Cennostnye orientacii studencheskoj molodezhi Rossii i KNR: regional'nyj srez (na primere Guanchzhou i Majkopa, Respublika Adygeja) // Vestnik RUDN. Serija «Sociologija». — 2009. — № 4.
- [16] *Nashe «My»:* edva li ne strashnee vojny. URL: <http://www.levada.ru/11-06-2013/nashe-my-edva-li-ne-strashnee-voyny>.
- [17] *Parsons T.* Sistema sovremennyh obshhestv / Per. s angl. — M.: Aspekt-press, 1998.
- [18] *Prizrachnye ugrozy: rossijanam ne svojstvenen paranoidal'nyj strah pered vneshnim mirom.* URL: <http://fom.ru/Mir/10097>.
- [19] *Spokojno ili trevozhno zhivetsja rossijanam? Rossijane o nastroenijah v strane i sredi blizkih.* URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10367>.
- [20] *Strahi rossijan.* URL: <http://www.levada.ru/20-06-2013/strakhi-rossijan>.
- [21] *Strahi rossijan i ugrozy dlja strany // Press-vypusk VCIOM.* — 2013. — № 2227.
- [22] *Trotsuk I.* Problema nasilija v rossijskom obshhestve: «normal'nye» i «patologichnye» projavlenija // Vestnik obshhestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii. — 2007. — № 3.
- [23] *Trotsuk I.V.* Legko li byt' molodym na Kavkaze? // Vestnik RUDN. Serija «Sociologija». — 2007. — № 1.
- [24] *Trotsuk I.V.* Obraz Serbii v rossijskom obshhestve: rezul'taty oprosa moskovskogo studenchestva // Vestnik RUDN. Serija «Sociologija». — 2012. — № 3.
- [25] *Ustanovki rossijan i ugrozy strane.* URL: <http://www.levada.ru/11-07-2013/ustanovki-rossijan-i-ugrozy-strane>.
- [26] *Uhodjashhij god v ocenках rossijan.* URL: <http://www.levada.ru/27-12-2012/ukhodyashchii-god-v-otsenkakh-rossijan-chast-2>.
- [27] *Freud S.* Isterija i strah / Per. s nem. A.M. Bokovikova. — M.: OOO STD, 2006.

- [28] Hulgany, moshenniki i karmanniki: o roste prestupnosti na fone krizisa // Press-vypusk VCIOM. — 2009. — № 1201.
- [29] *Chzhjen Vejdun*. Cennostnye orientacii rossijskih i kitajskih studentov: sravnitel'naja harakteristika // Vestnik RUDN. Serija «Sociologija». — 2008. — № 4.
- [30] *Shubkin V.N.* Katastroficheskoe soznanie v sovremennom mire v konce HH veka (po materialam mezhdunarodnyh issledovanij) / Pod red. V. Je. Shljapentoha, V.N. Shubkina, V.A. Jadova. — M.: MONF, IS RAN, 1999.
- [31] *Jadov V.A.* Samoreguljacija i prognozirovanie social'nogo povedenija lichnosti. — L.: Nauka, 1979.